

Семь лет

Это был его день рождения.

"Раз в год мы собираемся, чтобы отпраздновать то великое достижение, что ты смог совершить еще одно путешествие вокруг солнца".

Эта мысль снова и снова возвращалась к нему в голову. Это был его день рождения. Ему исполнилось целых девять лет.

"Почему самые большие праздники всегда устраивают те, кто совершил наименьшее количество оборотов?"

В прошлом году в это время он отмечал праздник. Пришли все его двоюродные братья и сестры - кстати, лишь малая часть из них была детьми братьев и сестер его родителей, - и Сасукэ почувствовал себя таким взрослым, таким взрослым.

"Конечно, логичнее было бы устроить большую вечеринку для тридцатилетнего, чем для восьмилетнего? А в этом году мамин день рождения прошел практически незамеченным, а на твоей вечеринке даже были контрабандные фейерверки".

Он бесшумно проскользнул под лентой, все еще преграждавшей путь к его дому, и пополз по тихим улицам. Прошло всего несколько месяцев с того ужасного дня. В тот день Итачи перерезал его семью - их семью - как коса сено, и заставил замолчать этот большой, оживленный комплекс.

"Восемь лет... Разве не жаль, что мечта Мадары о бессмертии оказалась тщетной? Время, отведенное тебе, Сасукэ, уже прошло, но оно еще не закончилось".

Сасукэ замешкался у ворот, обозначающих конец дорожки, ведущей к парадной двери дома, в котором он жил. Он мог войти в дом, забраться в свою старую кровать и на одну ночь притвориться, что резни никогда не было. Притвориться, что завтра он проснется и спустится вниз, где его мать будет готовить завтрак, напевая при этом что-то, а отец устроится за низким столиком, расстелив на коленях газету, и Итачи...

"С днем рождения. Ты не добился многого, Отуто, но и не умер в этом году - полагаю, этого достаточно".

Сасукэ не выдержал и бросился бежать от места, которое было его домом, и слезы ослепляли его. Он просто бежал и бежал, словно мог обогнать то, как его мир был разорван на части.

Когда он, наконец, остановился, его грудь вздымалась, а бока яростно болели, он огляделся по сторонам и почувствовал, как у него перехватило горло, и понял, что попал прямо на участок

Учихи на кладбище Конохи. После минутного колебания он начал пробираться сквозь ряды почти свежих могил. Прошло уже пять месяцев с тех пор, как их похоронили, и голые курганы земли сглаживались, трава пробивалась на место, где были опущены в землю гробы.

Прошло немало времени, но наконец Сасукэ оказался перед надгробием родителей. Положив руку на высеченное имя отца, он осознал, что стоит прямо над ним, и поспешно отодвинулся от могилы. Затем он повернулся к надгробию матери и проследил за буквами ее имени. Всклипнув, он опустился в крошечное пространство между двумя надгробиями, свернулся в клубок и спрятал голову в объятиях.

Свой девятый день рождения он провел в слезах.

Много позже, когда солнце уже давно село и вечерняя смена сменилась ночной, появился некий АНБУ, чтобы сменить того, кто присматривал за Выжившим Учихой.

"Ах, - вздохнул Сова, глядя на мальчика, который растянулся животом вниз на поросшем травой участке между пятнистой травой и грязью могил его родителей. "Он давно здесь?" - спросил он Крысу. Крыс устало кивнул.

"С полудня", - ответил он. Сова кивнула.

"Ложись спать, Крыс, ты выглядишь изможденным".

"О, да. Я буду рад, когда мы восстановим полицию. Сейчас я так вымотался, что не помню, как выглядит моя койка. Береги себя, старик".

Сова издал звук протеста по поводу обращения и насмешливо зарычал, делая вид, что прогоняет младшего АНБУ. Улыбка исчезла, когда он остался один, и он подошел к маленькому Учихе Сасукэ, невольно отметив сходство с той ночью, когда погиб его клан - тогда парень тоже безжизненно лежал на животе.

"Ладно, малыш, - вздохнул он, опускаясь на колени и осторожно перекатывая мальчика на руки. "Это противоречит протоколу, но ты заболеешь, если я позволю тебе спать здесь. Я отвезу тебя домой".

Лицо мальчика было перепачкано грязью и слезами - свидетельство целого дня траура, написанное так, чтобы Сова могла его прочитать. Судя по его виду, мальчик был худым и невесомым - вероятно, неправильно питался. Не то чтобы я его винил, - сухо подумал АНБУ, стараясь не вспоминать ту ужасную ночь. Потребуется время, чтобы все зажило, если вообще заживет. Бедное отродье.

Преисполнившись жалости, Сова понесла девятилетнего подростка обратно в маленькую квартирку, которую выделил ему Сарутоби, с интересом рассматривая аккуратно

расставленные предметы обстановки. По крайней мере, мальчик был опрятен - Сова терпеть не мог спотыкаться о предметы на каждом шагу.

"Вот так, - прошептал он, освобождая мальчика от сандалий и куртки и укладывая его в кровать, проверяя, достаточно ли теплые одеяла. После некоторого колебания он нашел мочалку и смочил ее теплой водой, после чего тщательно вытер лицо мальчика. К счастью, как и большинство детей, Сасукэ в бессознательном состоянии был мертв для всего мира, и он даже не шелохнулся, когда Сова вытерла его лицо.

Покончив с этим, он разгладил беспорядочные волосы мальчика и порадовался, когда обеспокоенное выражение на лице Сасукэ немного ослабло. "Бедный ребенок", - сказал он, на этот раз вслух. "Береги себя, Сасукэ".

Сова просидела на подоконнике до самого рассвета, пока Пантера не сменила его.

Больше он никогда не вспоминал об этом маленьком эпизоде.

В доме семьи Хатаке было тихо. Даже мирно. Вечернее летнее солнце безмятежно светило вниз, а большой дуб на заднем дворе отбрасывал тень в красивых узорах. Наруто сосредоточенно делал домашнее задание за обеденным столом, пока отец занимался приготовлением вечерней трапезы для них двоих.

Как и следовало ожидать, столь приятная нормальная обстановка не могла долго продержаться в доме, где жили люди с генами Хатаке или Узумаки. На этот раз беспорядок появился в виде человека из АНБУ в белой одежде.

"Собака-сан", - сказал он, появляясь за окном кухни, расположенной над раковиной, в которой Какаши чистил горсть моркови. Какаши на долю секунды задержался, чтобы засыпать рис в рисоварку.

"На пенсию, Окс-сан. Для вас это Хатаке-сан".

"Вас отозвали на действительную службу", - резко ответил Окс.

"Хм..." Какаши не выразил особого беспокойства. "Неужели? И для чего именно меня отозвали?"

"Это секретная информация", - упрямо сказал Окс. Какаши рассмеялся - старым сухим смехом, которым он обычно смеялся, когда находил что-то настолько нелепое, смешное или травмирующее, что ему приходилось шуметь, находить в этом какое-то больное чувство юмора или сходить с ума. До того, как ему подарили Наруто и он открыл для себя истинный, радостный юмор в чем-то невинном.

"Позвольте мне кое-что объяснить вам, Окс-сан", - небрежно сказал он, начиная тонко нарезать баклажан - если он делал кусочки достаточно тонкими и смешивал их с чем-то другим, Наруто иногда съедал их по ошибке. "Ты расскажешь мне все, что знаешь об этой миссии. Тогда я решу, соглашаться ли на нее. Тогда я решу, стоит ли ради этого сбрасывать маску Пса. Я не сделаю с тобой ни шагу, пока все это не произойдет".

Окс выглядел несчастным. "Я не могу этого сделать, господин", - сказал он. Какаши пожал плечами, бросил баклажаны в кипящее на плите рагу и убавил температуру, чтобы они не пригорели. Туда же он высыпал замороженный горошек и повернулся к рисоварке, чтобы не дать ей закипеть.

"Наруто!" - позвал он в дверях. "Ты уже закончил домашнее задание?"

"Почти, папа!" - раздалось из соседней комнаты. "Еще один вопрос!"

"Ну так закончи его, а потом накрывай на стол, хорошо? Ужин почти готов. И вымой руки!"

"Хорошо!"

Какаши снова повернулся к АНБУ. "Вы в порядке, Окс-сан?" - спросил он с напускной заботой.

"Вы отозваны на действительную службу, капитан АНБУ Дог", - решительно повторил Окс. Какаши терпеливо вздохнул.

"Окс-сан, - четко произнес он, - либо вы объясните мне, что происходит, либо я не пойду. Я не идиот и очень упрям. Если ты откажешься рассказать мне, тебе придется взять меня силой. Вы готовы к такому испытанию?"

<http://tl.rulate.ru/book/101261/3483700>